

Малахов В. В. «Пока горит свеча...». Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. 2-е издание, дополненное. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 153 с.

На фоне непрерывного роста числа историко-научных работ в некотором небрежении, как кажется авторам данной рецензии, остается научно-просветительский жанр, ориентированный в первую очередь на молодежь, только еще выбирающую свой путь в науке. Выходящая вот уже вторым изданием книга члена-корреспондента РАН Владимира Васильевича Малахова (первое появилось в 2004 г.) является до определенной степени шагом в сторону исправления такого положения дел. Посвященная истории одной из кафедр биофака МГУ – кафедры зоологии беспозвоночных, – заведующим которой является Владимир Васильевич, она уже вызвала интерес у научной общественности и учащейся молодежи. Этому во многом способствует то, что Малахов – сам выпускник кафедры зоологии беспозвоночных – вырос в ученого мирового уровня в ее стенах и был очевидцем многих судьбоносных, а порой и весьма драматических событий ее жизни. По этой причине его реконструкция истории становления и развития кафедры несет личностный отпечаток – как признает сам автор, он был не в силах следовать завету Тацита о том, что историей следует заниматься «без гнева и пристрастия». Тем не менее эта книга отнюдь не опус дилетанта в истории науки. Владимир Васильевич уже известен как автор ряда трудов и ярких публичных выступлений, в которых история науки рассматривается в качестве средства более

глубокого познания самого хода развития последней и как способ расширения ее горизонтов.

Анализ книги показывает, что такая ценностная установка привела ее автора к решению ряда более сложных проблем. В работе выявлены корни формирования умонастроений, гражданской позиции не только широко известных ученых – лидеров кафедры, но и ее рядовых работников. Раскрыты движущие силы, которые обеспечивали успешное развитие на кафедре научной и преподавательской работы, функционирование известных научных школ. Для молодежи важны те пассажи, где автор показал силу научных традиций, научной преемственности, научной коммуникации как неотъемлемых составляющих образовательного процесса. По сути В. В. Малахов построил своеобразную модель для изучения связи «учитель – ученик», а также влияния личности ученого-наставника на становление творческой индивидуальности у его учеников. Логический анализ конкретного материала позволил ему также создать периодизацию истории кафедры.

Оценивая все вышеизложенное, мы пришли к выводу, что вместо создания канонической рецензии на книгу целесообразнее поступить иначе. Избегая парафраз и выискивания упущений и недостатков, которые при желании можно найти в рецензируемой работе, мы постараемся весьма кратко проанализировать методологическую основу книги, ее струк-

турные и композиционные особенности, морально-этические подходы автора при оценке личностей выдающихся ученых и педагогов, работавших на кафедре в контексте определенной социально-политической обстановки.

Большинство современных специалистов историко-научные исследования проводят в системе соционаучных, предметно-логических и личностно-психологических координат. Вполне естественно, что в зависимости от направленности разрабатываемой темы всегда доминирует один из векторов этой системы. Анализ книги «Пока горит свеча...» показывает, что ее автор последовательно проследил процесс развития зоологии беспозвоночных, а также проанализировал методы ее преподавания на кафедре в определенной зависимости от указанных выше факторов. При этом на первый план автор выдвигает процесс «искания научной истины».

Главный «мотив» создания книги определил и ее структуру. Она состоит из четырнадцати относительно самостоятельных очерков, имеющих весьма нетрадиционные названия, интригующие читателя. Так, первый очерк «Изучи во всех подробностях животных своей родины» посвящен научному кредо первого выдающегося профессора естественной истории К. Ф. Рулье (1814–1858). В нем Малахов погружает читателя в атмосферу творческой жизни Московского университета, картины зарождения новых научных направлений и формирования традиций университетского образования соседствуют здесь с красочным описанием бытовых сцен из жизни первых университетских профессоров. Существенные изменения в научной и преподавательской деятельности профессуры начала XIX в. Малахов связывает с принятием нового университетского устава, осно-

ванного на принципе коллегиальности. Московский университет при этом обретал значительную независимость от государственных решений и внешнего давления. Обращает он также внимание на начало становления меценатства, которое во второй половине XIX в. играло весьма заметную роль в развитии отечественной культуры и просвещения. Автор напоминает многими забытый, а молодежи скорее всего неизвестный факт: кафедра натуральной истории (предтеча кафедры зоологии беспозвоночных) вместе с кабинетом натуральной истории долгие годы существовали на пожертвования промышленника П. Г. Демидова.

С большой теплотой автор описывает педагогическую и организационную деятельность К. Ф. Рулье. Именно этот естествоиспытатель прочел в Московском университете первый курс зоологии, заложил фундамент и основные традиции кафедры. Будучи эволюционистом до мозга костей, он обладал таким даром убеждения, что студенты в корне меняли свои взгляды на устройство живой природы. Так, например, глубоко религиозные юноши, происходившие из титулованной графской семьи, Александр и Петр Кропоткины, после лекций Рулье стали яркими материалистами. В лице одного из братьев – Петра – Россия приобрела не только выдающегося геолога, географа и историка, но и теоретика анархизма.

Малахов заостряет внимание еще на одном аспекте деятельности Рулье, который приобрел особую актуальность в наше время. Карл Францевич был основателем одной из первых научных школ, ее питомцами были А. П. Богданов, Н. П. Вагнер, С. А. Усов, Я. А. Борзенков, Н. А. Северцов. Кроме того, он был талантливым просветителем и популяризатором науки.

Второй очерк – «Великий бессребреник» – посвящен последователю и ученику Рулье А. П. Богданову (1834–1896). Он предстает перед нами как яркий представитель эпохи демократических реформ. В очерке прозорливо подмечено существование двух резко различных путей переустройства общества, которые исповедовали различные слои интеллигенции. В умах молодого поколения зрели идеи радикальных, революционных преобразований, зачастую приводивших к терроризму. Автор же открыто симпатизирует иным, эволюционным взглядам более зрелой части образованного общества, которая понимала всю необходимость длительного просветительства народных масс. Сторонником этого подхода был и профессор А. П. Богданов.

Малахов отмечает его незаурядность во всех отношениях – «в нем счастливо сочетались таланты исследователя, общественного деятеля и выдающегося педагога» (с. 13). Став в 24 года заведующим кафедрой естественной истории Московского университета и одновременно директором зоологического музея, Богданов сумел поднять на высокий уровень педагогический процесс, научно-исследовательскую и экскурсионную работу. В 1863 г. он основывает при Московском университете Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, ставящее своей целью изучение природы России и популяризацию знаний среди населения. Анатолий Петрович стоял у истоков постоянно действующих этнографической (1867), политехнической (1872) и антропологической (1879) выставок, которые со временем были преобразованы в дошедшие до настоящего времени Политехнический музей, а также Антропологический музей

Московского университета. В 1864 г. по его инициативе в Москве открывается первый в России зоопарк.

Невозможно пройти мимо одной житейской подробности, рассказанной Малаховым, которая еще ярче высвечивает высокие моральные качества Богданова. Будучи богатым интеллектуально, Богданов в конце жизни был крайне стеснен в средствах. Заработанные и полученные по наследству деньги он на протяжении всей своей жизни бескорыстно расходовал на развитие материально-технической базы научных исследований, на поддержку талантливой молодежи, издательскую и просветительскую деятельность. В своем духовном завещании Богданов, в частности, писал: «умирая лично почти нищим, не краснея, могу просить о могиле и нравственной помощи семье» (с. 15). Заметим, что похоронен он был согласно своему завещанию на территории Новодевичьего монастыря.

Вопреки нашему обещанию, мы позволили себе несколько подробнее рассмотреть содержание этих двух очерков. Нам кажется, что воссозданные в этих разделах портреты К. Ф. Рулье и А. П. Богданова наилучшим образом высвечивают социокультурный тип отечественного ученого, который сформировался в сложный период реформ и начала контрреформ XIX в.

До определенной степени антиподом созданного выше образа является преемник Богданова на посту директора Зоологического музея профессор А. А. Тихомиров (очерк «Кто изгонял Бога из науки?»). Вдумываясь в смысл выразительных авторских зарисовок жизни А. А. Тихомирова, мы представляем себе неординарную личность, которая могла кардинально менять не только свои профессиональные интересы, но и научно-мировоззренческие установки.

Он получил юридическое образование в Дерпте и Санкт-Петербурге, а затем успешно закончил физико-математическое отделение Московского университета. Вначале сторонник дарвинизма, позднее он круто меняет свои взгляды и становится ярким антидарвинистом. В своих нападках на известного популяризатора дарвинизма в России, К. А. Тимирязева, Тихомиров заявлял, что тот «за казенный счет изгоняет Бога из науки». В. В. Малахов с сарказмом замечает, что антидарвиновские убеждения и черносотенные взгляды весьма способствовали карьере А. А. Тихомирова. Видимо наступивший в стране после убийства Александра II (1881) период контрреформ сломил «слабых духом».

Несмотря на талант ученого, А. А. Тихомиров остался в воспоминаниях современников реакционным профессором. Автор книги пытается найти объективные причины негативного отношения студентов к личности Александра Андреевича. «Студенческая молодежь воспринимает университетского профессора прежде всего через его лекции и через его общественную позицию. Плохой лектор, консерватор и реакционер никогда не приобретает популярности у молодежи, будь он даже даровитым ученым» (с. 18).

Нельзя пройти мимо фигуры профессора кафедры зоологии Г. А. Кожевникова (1866–1933) (очерк «Не читайте советских газет!»). Почитатель и талантливый продолжатель идей И. А. Двигубского, К. Ф. Рулье и своего учителя А. П. Богданова, Кожевников отличался особым складом души. Малахов распознает в нем мягкого, добросердечного интеллигента, привычного к размеренной налаженной жизни, которая была характерна для большей части дореволюционной университетской профессуры. Он

был, говоря словами автора, демократичен, но в то же время не сочувствовал либералам и тем более не разделял крайне левых взглядов.

Жестокая действительность поспеялась над ним, ввергнув далекого от политики ученого, профессора-интеллектуала в водоворот революционного фанатизма, голода и разрухи. Социальные катаклизмы, административные меры новой власти негативно повлияли на его научную и преподавательскую деятельность, несмотря на то что он всегда стремился быть непричастным к политике, и даже в авторитарном государстве «не читал из принципа советских газет».

До боли проникновенно Малахов воссоздает страдания и горести Кожевникова в связи с его увольнением в год «великого перелома» из университета. Только материальная и моральная поддержка «научного братства университетских профессоров» облегчила последние годы существования маститого служителя науки и просвещения. Думается, что Кожевников как бы завершил эпоху организаторов первых зоологических исследований в университете и создателей уникального зоомузея.

В очерке «Великий Лев и море», занимающем центральное место в повествовании, автор показал ту высочайшую степень мастерства сотрудинок кафедры, которая определила успешное развитие последней в 1930-е и начале 1970-х гг. На первый план выдвинуто описание организационной, научной и педагогической деятельности заведующего кафедрой академика Л. А. Зенкевича. О нем уже много написано и рассказано, но автору удалось показать его как человека высоких нравственных принципов, что неоднократно проявлялось во взаимоотношениях с коллегами и партийно-административными «верхами».

Автор дает понять читателю всю сложность жизненного пути Зенкевича. Приверженец вольнодумных традиций Московского университета, в 1911 г. он участвовал в студенческих волнениях, за что был из университета отчислен. После возвращения в Москву ему пришлось оставить юриспруденцию и поступить на физико-математическое отделение университета, где он специализировался по зоологии беспозвоночных. Это стало его настоящим призванием, которому Зенкевич остался верен на протяжении всей жизни. Вступление Зенкевича на поприще служителя науки совпало с революционным переворотом, коренным образом изменившим весь государственный уклад российского государства. Автор рассказывает как в обстановке нового режима Зенкевич решил для себя сложную задачу, заключающуюся в выборе «достойной линии поведения». Развивая эту мысль, Малахов раскрывает существо линии поведения Зенкевича, который пошел на деловое сотрудничество с советской властью для возможности работать на благо науки. Связь между наукой и властью осмысливается автором весьма рационально. Справедливо отмечается противоречивость этих взаимоотношений. С одной стороны, наблюдалась жесткая идеологизация науки, что привело к контролю за научной мыслью. С другой — эта же власть, организуя широкую сеть научно-исследовательских институтов, обеспечила достаточно успешное развитие той же науки. Автор подчеркивает, что советское государство, став крупной научной державой, сохранило лидерство во многих научно-исследовательских областях. Зенкевич активно обеспечивал это лидерство.

Заведующим кафедрой общей зоологии он был назначен в 1930 г. После реорганизации и расширения в

1931 г. кафедра получила современное название; ее заведующим Зенкевич оставался в течение сорока лет. Тогда, в 1931 г., за плечами молодого, но уже известного ученого, стояло несколько научных экспедиций по изучению глубоководной морской фауны северных морей Советского государства на первом экспедиционном судне «Персей». Малахов акцентирует внимание на трех принципиально важных обстоятельствах. Во-первых, эти экспедиции были организованы по решению коммунистического правительства уже в 1921 г. Во-вторых, их проведение связано с непрерывностью «научных традиций», заложенных К. М. Дерюгиным и его учениками, одним из которых был Зенкевич. В-третьих, с этих экспедиций на кафедре начало развиваться морское направление, и в настоящее время остающееся основным.

Годы заведования Зенкевича оставили в жизни кафедры огромный след. Лекции курса зоологии беспозвоночных, большой и малый практикумы и по настоящее время ведутся по программам, разработанным Львом Александровичем и его ближайшими помощниками. Зенкевич определил главные и новые направления исследовательской работы кафедры. Они касались не только зоологии беспозвоночных, но и сложных разделов биологии. В годы своего заведования, несмотря на все трудности и препятствия, зачастую даже политического характера, Зенкевич сумел сформировать «кадровое ядро» кафедры, которое определило «курс» ее деятельности до конца XX в. Кафедра становилась сосредоточием таких талантов, как Г. Г. Абрикосов, Я. А. Берштейн, В. Н. и К. В. Беклемишевы, В. В. Алпатов, К. А. Воскресенский, В. А. Свешников и ряд других. Благодаря Зенкевичу были

заложены тесные научные связи между Институтом океанологии АН СССР, ВНИРО, Институтом моря во Владивостоке, Институтом биологии южных морей НАН Украины. Эта добрая традиция сохранилась до сих пор. Кроме того, Зенкевич был инициатором создания Беломорской биологической станции, ставшей «детищем» кафедры. Он до конца своей жизни принимал активное участие в ее развитии и укреплении.

Находясь во главе коллектива кафедры, он пережил вместе с ней «огни и воды» социальных и научных коллизий, которыми было так насыщено это время. В самых сложных ситуациях Лев Александрович оставался мужественным и принципиальным лидером. Защищая достоинство своих талантливых коллег и учеников, он в то же время никогда не терял собственного достоинства. Всеми своими делами и поступками он снижал непререкаемый авторитет для всех сотрудников кафедры. «Да и более молодое поколение, — отмечает Малахов, — которое никогда не видело Л. А. Зенкевича, ощущает влияние этой фундаментальной личности» (с. 45). «Можно сказать, что дух “Великого Льва” до сих пор витает в стенах кафедры», — патетически восклицает автор (там же).

Вполне естественно выглядит стремление Малахова показать тот энтузиазм, который принесло с собой на кафедру поколение победителей в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Он предлагает читателю емкий анализ событий Отечественной войны, концентрируя при этом внимание на высоком патриотизме людей, глубоком понимании ими своей миссии освободителей человечества от фашизма. В этом фрагменте книги убедительно показано, что, несмотря на различные «военные судьбы», пройдя через все страдания и потери,

фронтовики сумели сберечь непоколебимую веру в познавательную силу науки. Это поколение высоко ценило свободу творческой мысли и независимость суждений, что также способствовало разностороннему развитию кафедры в тяжелые послевоенные годы.

Малахов напоминает о самоотверженной организаторской деятельности в период 1946–1951 гг. бывшего фронтовика П. В. Матеекина. Являясь в это время заведующим Беломорской биологической станцией (ББС), он ценой героических усилий организовал на станции ежегодные полевые практики студентов. Полным же расцветом ББС, ее превращением в условиях Заполярья в научный городок, имеющий собственную флотилию, обязаны жизненному подвигу другого фронтовика — Н. А. Перцова. Возглавив станцию в 1951 г., он оставался во главе своего детища до конца жизни.

На страницах книги описывается научная судьба фронтовика К. А. Воскресенского, ставшего ведущим геоботаником. Признанным авторитетом в области морфологии различных групп беспозвоночных был участник войны В. А. Свешников. Успешно сложилась послевоенная судьба Б. М. Логвиненко. Окончив после демобилизации биологический факультет, он стал известным специалистом в области популяционно-генетических методов исследования. Затем в течение многих лет он успешно руководил лабораторией биологии развития животных, входившей в состав кафедры. Одновременно в течение нескольких лет Борис Михайлович выполнял обязанности заместителя декана биологического факультета. Автор придается также скорбным воспоминаниям о тех сотрудниках и студентах кафедры, которые «не вернулись с полей войны». Как много в

науке и просвещении осталось несовершенного теми, кто отдал свои жизни, свой талант на борьбу с фашизмом, – восклицаем мы вместе с автором.

В очерке «Годы без войны» Малахов не случайно обращает наше внимание на период оттепели в социокультурной и научной жизни государства. Ее «гонцы» – люди различных поколений, непосредственные ученики Зенкевича и фронтовики, использовав авторитет и привитые к работе навыки, смогли обеспечить процветание кафедры зоологии беспозвоночных.

Разноплановость очерков, составляющих книгу, способствует более точному раскрытию всей темы. Так, оценивая обстановку, сложившуюся на кафедре после ухода из жизни Л. А. Зенкевича, автор воссоздает состояние ее «стагнации», удивительно совпавшее с тем состоянием, которое переживала вся страна. Малахов удачно приводит примеры из жизни кафедры, характеризующие социально-политическую и научную обстановку в обществе периода «застоя». До середины 1980-х гг. обязанности заведующего кафедрой исполняла Т. И. Попова. Перед читателем предстает весьма ординарный профессор в области паразитологии. Разительно отличаясь от своего предшественника масштабом и глубиной научных воззрений, способностью к творческому лидерству, она обладала, по свидетельству автора, такими качествами, как скромность, порядочность, корректность и благожелательность во взаимоотношениях с сотрудниками. Видимо, от своего учителя – академика К. И. Скрябина – и от предшественника по руководству кафедрой, Тамара Игнатьевна восприняла способность выделять перспективную, талантливую молодежь.

В силу изложенного можно констатировать двоякое влияние лично-

сти Поповой на специфику существования кафедры в 1970-е гг. С одной стороны, она не могла предложить кафедре новые пути ее развития. С другой – ее здравый смысл, такт и терпимость позволили не только сохранить «золотой фонд» кафедры, но и привлечь к работе талантливых молодых исследователей.

В 1978 г. заведующим кафедрой по просьбе и активному участию ее сотрудников был назначен авторитетный ученый, создатель новой науки XX в. – почвенной зоологии – академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР М. С. Гиляров. С его приходом кафедра укрепила свои позиции, активизировалась ее научно-преподавательская деятельность.

Чрезвычайно важно понять, что богатейшая научная эрудиция Меркурия Сергеевича, его высочайшая общая культура гармонично сочетались в нем с непоколебимыми моральными устоями, «бытовой» скромностью, несмотря на выданную ему государством «индულгенцию широких привилегий». Поэтому магия самой личности Гилярова неосознанно преподносила наглядные уроки воспитания нравственных основ деятельности. «Быть может, этот моральный урок М. С. Гилярова был для молодежи, – резонно предполагает автор, – не менее важен, чем его лекции и научные труды» (с. 121).

Уход Гилярова из жизни в марте 1985 г. совпал с началом трудного периода «перестройки» всего государственного устройства, окончившегося распадом СССР. Свою точку зрения, имеющую порой весьма субъективный характер, В. В. Малахов высказал со всей искренней прямотой. Мы не будем касаться обсуждения этого раздела, тем более, что разнохарактерному толкованию феномена «перестройки» посвящен

большой массив специальной литературы, создателями которой являются во многих случаях компетентные специалисты.

Для нас гораздо больший интерес представляет аналитическое описание того трудного периода в существовании кафедры, который был связан с появлением нового заведующего. Владимир Васильевич не случайно обращает внимание на тот примечательный факт, что, хотя внешне, происходящие события совпали с началом перестройки, их конфликтная сущность на самом деле была обусловлена сложной системой административных отношений в научной иерархии, заложенных еще в советское время. Напряженная ситуация была вызвана тем, что на должность заведующего на бесконкурсной основе был назначен, а не выбран, профессор П. В. Матекин. Заведуя кафедрой в течение пятнадцати лет, он так и не смог оставить глубокий след ни в научной, ни в педагогической сферах деятельности. Тем не менее коллектив кафедры, несмотря на все неурядицы, продолжал в эти годы эффективно развивать научные изыскания и обучение молодежи. Стиль и методы руководства сотрудниками и сту-

дентами кафедры, внедряемые многолетними усилиями и талантами Л. А. Зенкевича и М. С. Гилярова, проявились в полную силу как раз на исходе минувшего XX и наступившего XXI вв.

Самозабвенно и успешно трудились и трудятся ученые послевоенного поколения, среди которых профессора Н. Н. Марфенин, А. В. Чесунов, А. Б. Цетлин, В. Д. Каллиникова. Попад под руководство В. В. Малахова, занявшего эту должность на конкурсной основе, кафедра, на наш взгляд, набирает в своем многостороннем развитии все новые обороты. Возникшие ориентиры в научной и преподавательской деятельности способствуют широкому выбору новых путей и форм их реализации сотрудниками всех поколений.

Книга В. В. Малахова подтверждает тот факт, что прошлое всегда отражает часть настоящего, способствуя также определению тенденций его движения в будущее. Сам же принцип рассмотрения историографии кафедры раскрывает широкие просветительские и воспитательные возможности подобного исследования.

Л. В. Чеснова, Р. А. Фандо

Автопортреты поколения биологов МГУ: Выпускники биофака МГУ о биофаке, об учителях, о себе (1950–2000). М.: Изд-во МГУ, 2000. 512 с.

Мозаика судеб биофаковцев МГУ 1930–1960-х годов поступления. В 2-х тт. / Сост. Л. И. Лебедева. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. Т. 1. 1930–1950-е годы. 480 с. Т. 2. 1951–1960-е годы. 640 с.

В 1994 г. у Людмилы Ильиничны Лебедевой, бывшей студентки биофака МГУ (1950–1955), а ныне его старшего научного сотрудника, возникла идея составить к очередной встрече родного курса, планировавшейся на 1996 г., анкету, ответы на вопросы которой позволили бы ре-

конструировать атмосферу студенческих лет и понять, как сложились дальнейшие судьбы бывших сокурсников. Такая анкета была создана и распространена среди потенциальных респондентов – отчасти во время встречи курса, отчасти по почте. Она включала 12 пунктов: